

ИГРА

Вадим Кучеренко

16+

Вадим Иванович Кучеренко

Игра

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42616269

SelfPub; 2022

Аннотация

Известная московская актриса прилетает на гастроли в небольшой провинциальный городок, где нет благ цивилизации, к которым она привыкла, и старых друзей, одним своим видом напоминавших ей о прошлом, о котором она хотела бы забыть. Но именно здесь она встречает того человека, которого могла бы полюбить и любить всю жизнь, если бы ей это позволили... Рассказ основан на реальных событиях. Посвящается памяти актрисы Ирины Печерниковой.

Вадим Кучеренко

Игра

В аэропорту оказалось неожиданно многолюдно и шумно, словно это был не крошечный провинциальный городок, а, по меньшей мере, областной, или даже столичный мегаполис. А, может быть, так только казалось, потому что само здание было одноэтажным и тесным, изначально не рассчитанным на то, чтобы в нем скучивались пассажиры нескольких рейсов сразу. Но так случилось, и Анна Волгина этому ничуть не удивилась – такова была ее несчастливая звезда. Два рейса задерживались – один по погодным условиям аэропорта прибытия, второй – по не менее туманным техническим причинам, к ним присоединились пассажиры с только что прилетевшего самолета и те, кто их встречал. Аэропорт оказался перенаселен и от переизбытка человеческой массы трещал по всем швам.

Но Анна не хотела ничего этого знать. После многочасового, со многими пересадками, полета, начальной вехой которого была Москва, а конечной – этот город с населением менее трехсот тысяч, она проклинала тот день и час, когда дала согласие на эти гастроли. И при этом была рада тому, что уедет в тьмутаракань, где нет благ цивилизации, к которым она привыкла, и, особенно, старых друзей, одним своим видом напоминавших ей о прошлом, о котором она хотела

забыть.

– Дура, – усмехнулась Анна, вспомнив о той своей почти щенячьей радости. – С опилками вместо мозгов.

Она всегда завидовала гусеницам, которые могли закуклиться, уйти в себя, а очнуться уже прекрасными бабочками, и начать новую жизнь, пусть даже недолгую, но яркую. Для нее это было невозможно по разным причинам.

Вместо этого сейчас ей предстояли, и это уже после всех перенесенных мытарств, долгая поездка до гостиницы в центре города, суэта обустройства на новом месте, много новых, совершенно ей не нужных и обременительных, знакомств. Но она будет вынуждена смириться и пережить все это, как истинный стоик. И привычно расплатиться за свое смирение ужасной головной болью, которая начала терзать ее еще в самолете и продлится, быть может, несколько дней. А ведь уже через двое суток ей выходить на сцену. И пусть это не сцена великого Малого театра, к которой она привыкла, а всего лишь жалкие подмостки убогого провинциального театрала, но она не может себе позволить играть вполсилы и вполнакала. Однажды, в одном из газетных интервью, ее назвали актрисой, ставшей уже почти легендой еще при своей жизни. Это произвело на нее впечатление. С тех пор каждый спектакль был для нее своеобразным Рубиконом. Выходя на сцену, она сжигала за собой все мосты, а уходя со сцены, могла вслед за Юлием Цезарем гордо произнести: «Veni, vidi, viki». Эта ее способность не щадить себя позволяла ей, скромной

гусенице в реальной жизни, превращаться в ослепительную бабочку на сцене, играя так, что после спектакля не оставалось сил ни на что другое. Вне театра она тоже по большей части играла, поскольку не могла жить без внимания и поклонения, но это было уже не то, это была игра ради хлеба насущного, в итоге не приносившая ничего, кроме скуки и разочарования.

Начав с неизбежной головной боли, мысли Анны, как это часто бывало, унесли ее далеко и высоко, и она уже не так болезненно реагировала на окружающую ее удручающую действительность. Она и в самом деле будто «закуклилась», ничего и никого не замечая вокруг. Даже если бы ее сейчас кто-то грубо толкнул или обругал, она и то бы не почувствовала и не услышала этого, проигрывая, а вернее, проживая в уме сцены из спектаклей, в которых она играла или хотела бы сыграть.

Зачарованная игрой воображения, Анна могла бы простоять посреди аэропорта бог весть сколько времени, но ее встречали. Не просто в толпе отыскать маленькую хрупкую женщину, крошечный островок, который захлестывало бурлящее людское море. Но ее лицо, растиражированное десятком кинокартин и миллионами открыток, продаваемых во всех киосках страны, многим казалось знакомым, и потому ищущий взгляд рано или поздно все равно задерживался на нем, повинуюсь одному из основных законов человеческой психологии: из хаоса выбирать уже известное и привычное.

– Вы Анна Волгина? – услышала она за своей спиной чей-то сочный голос. И кокон был разрушен. – А я директор местного театра, Алексей Кириллович. Очень, очень вам рады!

Анна оглянулась. Тот, кто окликнул ее столь звучным баритоном, оказался небольшим человечком, пузатым и веселым. Из-за непомерного живота пиджак его был застегнут только на верхнюю пуговицу, а рукава были чрезмерно короткие, и человечек часто одергивал их, чтобы прикрыть густо заросшие волосами запястья. Не требуя подтверждения и избегая излишних формальностей, он выхватил из рук Анна чемодан, подхватил ее под локоть и повел к выходу из здания аэропорта, с большой сноровкой прокладывая себе и ей дорогу сквозь толпу. Анна покорно брела рядом, радуясь от мысли, что с этой минуты с нее снята всякая ответственность и можно, наконец, забыть и предаться воспоминаниям, о которых она хотела бы забыть.

Внезапно Анна почувствовала приближение того полубессознательного состояния, в котором пребывала весь последний год, и это испугало ее. Потому что ради спасения от него она и бросилась очертя голову в эту авантюру, прочь от дома, привычного и любимого образа жизни, из тепла и милого сумрака в холод неизвестности, на слабо мерцающий вдали огонек надежды. Но, видимо, напрасно все это, подумала она с тоской, и ей никуда не уйти, не скрыться от самой себя...

Они вышли из аэропорта на привокзальную площадь. Солнце припекало, но это было даже приятно после много-часовой душной прохлады салона самолета. Алексей Кириллович кому-то помахал рукой. К ним подошел высокий мужчина в светлом костюме и широкополой ковбойской шляпе.

– Ваш партнер по спектаклю, прошу любить и жаловать, – веселый пузатый человечек жизнерадостно вводил Анну в новый мир. – Один из ведущих актеров, но только, к великому сожалению, не нашего, а областного театра, Стас Аржанов. Тоже приехал в наш город на гастроли, соблазнился главной ролью в таком замечательном спектакле. Стас, а это та самая Анна Волгина, с которой ты мечтал сыграть на одной сцене!

– Станислав, – услышала она где-то над собой голос. Слегка удивилась непривычному для слуха ударению в произнесенном имени – на втором слоге. Но сил на то, чтобы поднять уставшие глаза, которые к тому же слепило солнце, не было, поэтому она довольствовалась лишь созерцанием протянутой руки, в которую торопливо вложила свою. Была та с узкой ладонью и сухим запястьем, горячая и сильная.

Ее подвели к бежевой «Волге», усадили на заднее сиденье. Алексей Кириллович втиснулся на переднее сиденье за руль, рядом с ним сел Станислав, сняв шляпу и положив ее себе на колени. Его темно-русые волосы были по-спортивному коротко стрижены. Автомобиль осторожно вырулил со стоянки перед аэропортом на дорогу, с обеих сторон обса-

женную высокими густыми елями, и влился в общий поток.

– Доберемся до города минут за сорок, – сообщил Алексей Кириллович. – Тише едешь...

И, высунув руку в окно, жестом показал водителю автомобиля, который двигался за ними и подавал нетерпеливые сигналы, на знак, ограничивающий скорость движения сорока километрами в час. Автомобиль, взревев мотором, обогнал их и умчался, обдав смрадом из выхлопной трубы и дорожной пылью.

– И куда люди торопятся? – философски заметил Алексей Кириллович. – Все там будем, конечно, но лучше позже.

Ему никто не отвечал. Свежий встречный ветерок, проникающий через открытое окно, приятно охлаждал лицо Анны, и, посеревшее за долгий перелет, оно снова приобретало свой естественный бледный цвет. Анна мельком отметила это, случайно взглянув в зеркальце над лобовым стеклом, и подумала, что если бы она выпалась, то, может быть, ей удалось бы отыграть первый спектакль без риска слечь после него в постель с жуткой мигренью.

– У вас случайно не найдется снотворного? – просила она, ни к кому конкретно не обращаясь, и увидела в лобовом зеркальце спокойные, и даже будто немного скучающие, глаза Станислава. Это ей не понравилось. Она привыкла к восторженным взглядам.

– Я принесу вам в номер, когда мы часа через два доберемся до гостиницы, – услышала она негромкий голос Ста-

нислава и не смогла сдержать улыбки, до того похоже тот спародировал интонации директора театра. – Потерпите?

Анна кивнула в ответ и подумала, что, в общем-то, этот высокий, красивый и, несомненно, с чувством юмора мужчина – не самый худший из партнеров, с которыми ей приходилось играть.

В дверь номера постучали.

– Войдите, – чуть помедлив, недовольно отозвалась Анна. Она только что приняла душ и охотно легла бы в постель, но понимала, что до ночи ей покоя все равно не дадут, под тем или иным предлогом.

Вошел Станислав. Он переоделся, теперь вместо костюма, в котором он встречал ее в аэропорту, на нем были джинсы и рубашка в крупную клетку. Он напоминал лихого ковбоя из американских вестернов, сменившего лошадь и прерии на автомобиль и городские улицы, но не изменившего своим привычкам и манере держаться. Этаким эталонный киношный герой, с легким раздражением подумала Анна, не хватает только кольта, шляпы и сигары в зубах – и вылитый Клинт Иствуд в молодости. Лишь теперь она смогла внимательно рассмотреть Станислава. Крупные черты лица. Пристальный взгляд. Мощные шея и плечи. По-настоящему привлекателен той мужской красотой, которая так нравится женщинам. И к которой сама она равнодушна, так как давно уже перестала чувствовать себя женщиной. По меньшей мере, год, с

тех пор как один за другим, с разницей в несколько месяцев, умерли ее отец, которого она любила, и ее Учитель, которого она боготворила. Именно так, с большой буквы – Учитель, потому что это именно он научил ее всему, что она знает и умеет в своей профессии, и еще многому другому...

Поймав себя на мыслях, ради избавления от которых она сюда и приехала, Анна рассердилась, как всегда, на саму себя и потому излила раздражение на того, кто попал ей под руку.

– Ну что, будем знакомиться? – вызывающе улыбнулась она. – Как принято в вашем театре: ложиться в постель до спектакля или отмечать этим удачную премьеру?

– Говорят, что любовники в жизни не могут хорошо сыграть любовников на сцене, – не выказав ни обиды, ни удивления, ответил Станислав. – Так что предлагаю обойтись без этого. А вообще-то, я принес вам снотворное, как обещал. Извините, если не вовремя.

Он положил на столик, стоящий у окна, пачку таблеток и повернулся, чтобы уйти. Анна смутилась и окликнула его:

– Постойте!

Он остановился, взглянул на нее. Она смотрела в его темные, с искорками зрачков, глаза, напомнившие ей почему-то ночное звездное небо, и думала: он действительно Станислав, а не какой-то там Стас.

– Вы же видите, мне стыдно, – сказала она. – Будьте мужчиной, не заставляйте меня мучиться угрызениями совести. Лучше садитесь в это кресло, рядом со мной, и рассказывай-

те.

– О чем? – теперь удивился он.

– О спектакле, в котором нам с вами предстоит играть.

– Что вы хотите узнать?

– Все, что вы захотите. Надеюсь, это не займет много времени? У нас его мало.

Следующие два дня Анна и Станислав провели, почти не выходя из ее номера. Разговаривали, разбирали сцены и эпизоды, спорили. Наскоро перекусывали, час-другой отдыхали и снова сходились. Изредка кто-то заходил, что-то спрашивал, она или он отвечали, машинально, не задумываясь, лишь бы их оставили в покое. И снова были одни – в гостиничном номере, в городе, во Вселенной...

– Я больше не могу, – наконец призналась она и, откинувшись на спинку кресла, устало закрыла воспаленные глаза. – Я хочу проспать целую вечность. В крайнем случае, чтобы до завтра меня никто не тревожил.

– До сегодня, – поправил ее Станислав, взглянув на часы. – Спектакль уже этим вечером.

– Я не встану, – пообещала Анна.

– Не бойся, я разбужу тебя.

– Плевать на все! Я сейчас умру, а когда оживу – это будет Страшный суд, и будет уже все равно. Где твое снотворное?

Станислав протянул ей пачку таблеток и стакан, плеснув в него воды из хрустального графина с пробкой, стоявшего на

столе. Воду за эти два дня меняли уже несколько раз, и всегда новая горничная, с неизменным восторгом взирающая на Анну и с любопытством, смешанным с восхищением – на Станислава

Но Анна отвела его руку. Она встала, нашла свою сумочку, достала из нее аккуратно свернутый пакетик, высыпала из него в стакан какой-то порошок и улыбнулась Станиславу, с интересом наблюдавшему за ее действиями.

– Что это? – спросил он.

– Напиток богов, – ответила Анна. – Гарантирует вечную молодость и абсолютно безвреден. Хочешь?

– Разливай, – кивнул согласно Станислав. Он тоже очень устал, хотя и старался скрыть это. – Выпьем за знакомство – и в постель.

– А говорил, что обойдемся без этого, – рассмеялась Анна. – Все вы такие, мужчины!

Станислав с сожалением взглянул на нее, тяжело вздохнул, но сдержался. От переутомления ему уже даже не хотелось спать. А надо бы обязательно перед спектаклем выспаться. Даже с помощью снотворного. Или что она там себе намешала.

Он взял из рук Анны стакан и отпил половину.

Немного погодя в его голове вспыхнул и взорвался разноцветный шар, и весь мир погрузился в мерцающую огнями бездну. Он шагнул в нее и начал падать: долго, беззвучно, без страха. Вдруг он понял, что это не падение, а полет.

Свободное парение. Как это случилось с ним в детстве, во сне. А вместе с этим пришло ощущение счастья. Своего бессмертия. Прекращение земного существования. Потеря себя, растворение в Вечности. А на дне бездны его ждала Анна...

Станислав очнулся внезапно. Просто открыл глаза – и увидел склонившуюся над ним Анну. Она виновато улыбалась.

– Ты прости, – сказала она. – Не учла, что ты не привык. Дала лошадиную дозу. Чуть не убила.

– Все хорошо, – с некоторым удивлением озираясь вокруг, ответил он. – Я себя отлично чувствую.

Действительно, голова была поразительно легкой и ясной. Он ощущал в своем теле силу, и она росла, словно родник пробивался из-под земли. Единственное, что тревожило его – это грусть. По тому неведомому, что было с ним, и уже никогда не случится вновь.

– Ты волшебница? – спросил он, беря ее за руку.

– Да, – ответила Анна.

– И ты сможешь повторить свое чудо?

– Не сейчас, после, – мягко освобождаясь от его сильных рук, пообещала Анна.

– Когда? – настаивал он.

– После нашей с тобой премьеры.

Он вспомнил и одним движением своего крепкого мускулистого тела поднялся с кресла, на котором полулежал все

это время.

– Скоро? – спросил он уже совершенно другим тоном. И даже его глаза изменили свое выражение.

– Через два часа. За нами прислали машину. Нас ждут. Анна и сама не заметила, когда начала говорить «мы» вместо привычного «я».

Через два часа они вышли на сцену. И началась игра.

Пьеса была современной и, как писали в рецензиях, очень актуальной. В одном провинциальном городе люди, проявив сознательность, пришли на помощь милиции в борьбе против хулиганов и бандитов. И по вечерам улицы начали патрулировать отряды дружинников, созданные из лучших представителей общественности. Очень быстро они навели порядок в городе. Криминальный мир потерпел поражение. Социалистическая законность восторжествовала.

Такова была идея, которую заложил в свою пьесу драматург и воплотил на сцене режиссер.

Но Анна и Станислав прочитали эту пьесу по-другому. Их внимание привлек эпизод, где дружинники встречают любовную парочку, возвращающуюся поздно вечером из ресторана, и пьяную то ли от выпитого вина, то ли от любви. Мужчина и женщина кричат, поют, смеются, нарушая тишину спящего города. Между мужчиной и дружинниками завязывается ссора, перерастающая в драку. Достается и женщине, которая пытается вступить за любимого человека. После

чего их силой уводят в милицию.

– И в городе снова воцаряются покой и порядок, достигнутый ценой унижения человеческого достоинства и любви, – сказал Станислав. Это благодаря ему Анна, до этого лишь механически заучившая текст, взглянула на спектакль новыми глазами. И согласилась, что играть надо именно так.

Теперь, в их интерпретации, спектакль был о цене, которую пришлось заплатить людям за то, чтобы в их городе восторжествовал порядок. И восклицательный знак, который поставили автор пьесы и режиссер, они, актеры, заменили вопросом – не слишком ли высока эта цена?

Само по себе это могло бы пройти незамеченным, будь на сцене посредственные актеры. Но Анна, вдохновленная Станиславом, играла как никогда в своей жизни.

Уже посреди спектакля из зрительного зала ушли несколько человек, один из них в форме. На следующий день в городской газете появилась разгневанная заметка об оскорблении органов правопорядка со сцены местного театра драмы заезжими гастролерами.

А в этот вечер кто-то из зрителей плакал, и в напряженной тишине зала эти тихие всхлипы были слышны даже на сцене. Потом, на поклонах, какая-то девушка подарила Анне букет цветов, с задних рядов несколько раз крикнули «браво».

Во время спектакля Станиславу разбили колено, без жалости бросив на дощатое покрытие сцены. А Анне так заломили руку, что она со всего размаха ударилась подбородком

о стол и чуть не потеряла сознание.

– В этом проклятом городишке, видимо, люди умирают сразу, без долгих мук, – яростно ругалась Анна, поддерживая Станислава под руку. Это была уже третья аптека, где они пытались по пути в гостиницу купить аспирин или анальгин. Две оказались закрыты, а в третьей, круглосуточной, их постигла неудача. Ничего болеутоляющего в продаже не оказалось.

Станислав сильно хромал, но старался не стонать и даже не морщиться, когда неловко наступал на покалеченную ногу. Все же иногда ему это не удавалось. Колено распухло, при каждом шаге в него словно всаживали раскаленный гвоздь. Но после спектакля машины, которая должна была ждать их возле служебного входа театра, не оказалось. Не нашли они и Кирилла Алексеевича, который так же куда-то бесследно пропал. И они были вынуждены пойти в гостиницу пешком, благо, что та располагалась на той же улице, что и здание театра. Заблудиться даже в совершенно незнакомом городе было невозможно, надо было только никуда не сворачивать. Несмотря на то, что догорало лето, и сумерки были еще светлыми, улицы города казались вымершими. Ни прохожих, ни машин, и даже светофоры на перекрестках, все как один, мигали желтым оком, окрашивающим дома в бледно-мертвенный цвет.

Анна ласково погладила Станислава по плечу.

– Пойдем, милый, в гостиницу. Придется, уж видно, мне лечить тебя своими средствами.

Он думал, что это уже никогда не повторится – ощущение сладостного восторга, сравнимого разве что с первым прикосновением к любимой женщине. Но это случилось. Он испытывал подобное один или два раза в своей жизни, но давно, слишком давно. И уже позабыл, как это бывает. А сейчас вспомнил. И он снова летел и летел куда-то в беспредельность, не имея представления ни о времени, ни о пространстве...

– Милый, что с тобой? – голос Анны был нежен.

Станислав открыл глаза и увидел, что он лежит в постели, раздетый, под одеялом. Анна была рядом, и тоже совершенно обнажена. Он не помнил ничего, что предшествовало этому. Ощущение полета и счастья, им порождаемого, заполнило все его существо, и даже память.

– Мне хорошо, – сказал он. – Ты добрая волшебница.

– Я ведьма, – ответила Анна, смущенно закрываясь одеялом под его недоуменно-счастливым взглядом. – И гублю христианские души.

– Многих уже сгубила?

– Две. Одну свою, вторую...

Он помешал ей договорить, закрыв рот поцелуем. Но когда он оторвался от ее жадных губ, она досказала, словно ей

было необходимо исповедаться перед ним, и немедленно.

– Иначе я бы не пережила этот год.

– Тебе было очень плохо?

– Я осталась совсем одна.

– И продала душу дьяволу?

– Бог отверг ее – и что мне оставалось?

В коридоре послышались шаги, они стихли возле номера Анны. Казалось, тот, кто стоит за дверью, прислушивается. Затем постучал, резко и требовательно.

– Придется открыть, – сказала Анна. – Это директор театра. Он предупреждал, что зайдет, по важному делу.

Она встала, накинула халат, предварительно выключив настольную лампу, чтобы скрыться во тьме от взгляда Станислава, вышла из спальни. В темноте не так просто было пройти до входной двери. Наконец она открыла.

– Спите? – подозрительно осматривал ее с головы до ног Алексей Кириллович, и даже попытался через плечо заглянуть в черный провал номера. Он был заметно в плохом настроении и чаще обычного одергивал рукава своего пиджака.

Анна недоуменно повела плечами, и тогда он торопливо заговорил:

– Мы даем концерт для горожан, на открытой эстрадной площадке в городском парке. Выезд автобуса ровно в двенадцать часов. Ваш выход на двадцать минут. Что, вы недовольны?

Пузатый человечек увидел, как потемнели ее глаза, и те-

перь уже почти подпрыгивал на пороге, сердито пыхтя. Возможно, его разъярило, что Анна даже не пыталась создать видимость любезной хозяйки и не пригласила его войти.

– Какое отношение это имеет к искусству? – внезапно озябнув и плотнее запахивая ворот халата, спросила она.

– Это имеет отношение к тем деньгам, которые я вам плачу, – осклабился Алексей Кириллович. – Если презренный металл, конечно, вас, такую возвышенную особу, интересует.

– Я заключала договор на спектакль, и только, – пыталась объяснить ему Анна.

Но директор театра был готов к возражениям и неуязвим.

– Договор был подписан вами на гастроли в нашем городе, а не на один спектакль, – ответил он, приняв официальный вид. – Решать, где и когда вам выступать, буду я. Не так ли?

– Так, – устало произнесла Анна. – И все же, я вас прошу...

– Не надо, – вдруг услышала она за своей спиной и с коротким болезненным стоном обернулась.

Станислав подошел к ней очень близко, и их взгляды встретились. Он смотрел ей в глаза и жестко рубил слова:

– Не надо просить. Ты никуда не едешь. Если кому-то это не понравится, то пусть он обратится за разъяснениями ко мне... Вы все поняли?

Теперь он обращался уже прямо к директору театра, и тот торопливо и с готовностью закивал головой.

– А сейчас дайте нам возможность отдохнуть после спектакля.

Станислав закрыл дверь, оставив пузатого человечка по ту сторону. В номере стало темно. Только слабая полоска света из коридора пробивалась сквозь дверную щель внизу.

– Тебе не надо никуда ехать, – обнимая холодные плечи Анны и целуя ее, сказал Станислав. – Думай только о вечернем спектакле.

– Это плохо кончится, – слабо улыбнулась Анна. – Но, знаешь, я с тобой ничего не боюсь. Только одного – потерять тебя...

Они лежали в постели, Станислав согревал ее теплом своего тела и рассказывал.

– Я разучился бояться, когда рос в детском доме. Нас было много, мальчишек и девчонок, озлобленных на жизнь и даже друг на друга. У многих были живы родители, или кто-то из родственников, которые и сдали их в детдом, словно бродячих щенят в питомник. И потому они мстили миру, который их отверг. Слепо и жестоко. Мне, наверное, в этом смысле повезло – я был круглым сиротой. Мои папа и мама погибли в автокатастрофе, и я не разуверился в них. Во мне осталась вера во что-то святое, что есть... должно быть в людях.

Он замолчал. Анна поцеловала его, сказала:

– Не рассказывай, если тебе больно вспоминать.

– Я хочу, чтобы ты все обо мне знала, – ответил он. – Я

вырос в аду, но сумел сохранить душу. И научился драться, отстаивая свои принципы. Без этого я бы пропал там. И тем более, когда вырос и ушел из детдома. Я был никому не нужен в детском доме, но и за его стенами никто не ждал меня с распростертыми объятиями. Я долго скитался в поисках своего места в этой жизни, а еще больше – в поисках себя. Перепробовал множество профессий. Был даже профессиональным бойцом, участвовал в боях без правил. Это было незаконно, тайно и очень опасно, но приносило хорошие деньги. Я даже смог немного скопить, и думать уже не только о хлебе насущном. И однажды я понял, что живу не той и не своей жизнью. И что папа и мама, будь они живы, не одобрили бы меня. Они были актерами...

– И хорошими людьми, если у них вырос такой замечательный сын, – прошептала Анна.

– Откуда такая уверенность? – с улыбкой спросил Станислав.

Она взяла руку Станислава и приложила его ладонь к своей груди.

– Мое сердце не обманывает, послушай!

Его глаза затуманились, но он справился со своими чувствами и продолжил рассказ.

– И тогда я пришел в театр, в тот самый, где служили мама и папа. Их еще не забыли, и меня взяли на работу подсобным рабочим. Затем я перешел в осветители, затем... В общем, однажды мне позволили выйти на сцену в массовке.

Потом была роль «кушать подано», лакея в одном из спектаклей. После нее я хотел уже было уйти из театра. Но характер не позволил. Не могу я терпеть поражения. Договорился с режиссером – он мне дает эпизодическую роль в одном из спектаклей, и если я с ней не справлюсь, то отработаю в театре в любой должности, ни на что не претендуя, еще три года, а только потом уйду. В театре, как обычно, не хватало рабочих сцены, в тот день запил очередной, сорвав подготовку к премьерному спектаклю, и режиссер пошел на это, уверенный, что меня ждет провал. Неожиданно для всех после премьеры в одной из газет появилась рецензия, где мне отвели целый абзац. Как сказала одна из ведущих актрис театра, за такой абзац она готова была бы пойти на что угодно... И пригласила меня в свою постель. Это была действительно очень хорошая актриса. Режиссер боялся ее потерять и повиновался всем ее прихотям беспрекословно. Я стал ее прихотью. И даже несмотря на то, что я отказался лечь в ее постель, она захотела видеть меня своим партнером в следующем спектакле. Так началась моя театральная карьера.

– И ты не жалеешь? – спросила Анна.

Когда он говорил о прихоти какой-то актрисы, благодаря которой сделал карьеру, она почувствовала в сердце болезненный укол ревности. Но вспомнила, через что пришлось пройти ей самой, прежде чем она стала тем, кем она была сейчас, и простила ложь Станислава. Анна ни на мгновение не поверила, что ему удалось так легко отделаться от старой

уродливой бабы, возомнившей себя примадонной и затаскивающей в свою постель молоденьких актеров. Почему ее давняя соперница непременно была старой и уродливой, Анна не смогла бы сказать, но ничуть в этом не сомневалась.

Она повторила:

– Не жалеешь?

Станислав улыбнулся ей.

– Я расскажу тебе одну притчу, – ответил он. – Может быть, узнав ее, ты начнешь лучше меня понимать. Это притча о гиенах и льве. Тебе интересно?

– Я слушаю, – согласилась Анна. Она положила его ладонь себе под голову, и ей было очень удобно. Анна могла бы так пролежать, под звуки его завораживающего голоса, вечность. Она чувствовала себя счастливой.

– Гиены разрывают ослабевшего льва, – начал Станислав. – Пока царственный хищник силен, эти горбатые твари не рискуют даже перебежать тропу, по которой он прошел, и питаются лишь остатками его пиршеств. Они с жадностью поглощают падаль и испуганно вздрагивают, когда ветер приносит в их ноздри грозный запах льва, и убегают, поджав хвосты и скуля, услышав его далекий мощный рев. Но когда лев умирает, гиены набрасываются на него стаей и ожесточенно рвут его клыками, словно пытаясь отомстить за свой вечный страх этой безжизненной плоти. И даже в эту минуту гиены боятся, потому что лев мертв, а им предстоит жить дальше.

Станислав помолчал. И закончил уже другим тоном:

– Такая вот притча.

– И это все? – спросила Анна. – А в чем ее мораль?

– А мораль такова, – улыбнулся Станислав. – Люди боятся смерти. Но ведь и львы тоже. Но те из людей, кто начинают бояться не смерти, а жизни, становятся похожими на гиен. И выбор за ними, кем они хотят быть.

– Я поняла, – тихо произнесла Анна. И поцеловала ладонь Станислава. – Ты лев, в этом нет никаких сомнений.

– А ты будешь моей львицей, – сказал он. – Если захочешь.

– Да, – прошептала Анна почти беззвучно.

А мысленно произнесла: «Ты даже не представляешь, как я этого хочу».

Кирилла Алексеевича была нервная дрожь, настолько ему было не по себе в этом уютном кабинете. Его приводили в смущение и массивный, черного дуба, стол, и огромный пушистый ковер на полу, и тяжелые лиловые занавеси на окнах, и многое другое, что в совокупности создавало атмосферу роскошной неги. Все это как-то не вязалось с его представлением о том, каким должен быть подобный кабинет.

На стене над письменным столом, прямо напротив двери, висел большой портрет человека с аскетически-строгим лицом. Казалось, он неодобрительно смотрит из рамы. Но хозяин этого кабинета не замечал осуждающего взгляда аскета. Зато ему нравилось суровое выражение его лица. Часто,

стоя дома перед зеркалом, он старался придать своему лицу такое же. И с каждым годом у него выходило все лучше.

Однако сейчас он улыбался. Тема разговора была щекотливой, а время – с причудами. Еще несколько лет назад он бы так не церемонился. Но сейчас приходилось заходить издалека.

– Что же вы, Алексей Кириллович, – голос его был пропитан добродушием. – Всегда мы с вами дружили, и вот на тебе – пасквиль!

Маленький пузатый человечек, сидевший на самом краешке мягкого стула, в отчаянии всплеснул руками.

– А что вы мне прикажете делать... – он запнулся, но затем, как ему было предложено в начале разговора, назвал собеседника по имени-отчеству: – Михаил Павлович? Я просто в растерянности. Приезжают, извольте радоваться, знаменитости, играют, что им заблагорассудится, и чего в пьесе и в помине нет, потом уезжают, а ты тут расхлебывай. Им цветы и аплодисменты, мне – неприятные визиты...

Он опять поперхнулся на середине фразы и с мольбой, словно провинившаяся собака, взглянул на хозяина кабинета. Но тот продолжал улыбаться.

– Алексей Кириллович, вы правы, это безобразие, – произнес он сочувственно. – И ничего нельзя поделать?

Директор театра задумался, тяжело вздыхая. Но ни одной спасительной мысли не приходило ему в голову. Тогда Михаил Павлович пришел на помощь, как бы между прочим за-

метив:

– У каждого человека есть свои слабости...

– Понимаю, понимаю, – воспрянул духом Алексей Кириллович. Он склонился к столу, чтобы оказаться ближе к своему собеседнику, и перешел почти на шепот. – Знаете, у меня есть подозрение...

И замолчал, не решаясь произнести вслух. Михаил Павлович терпеливо ждал, выдавая свое раздражение только тем, что постукивал остро отточенным карандашом по столу.

– Наркотики, – через силу выдавил Алексей Кириллович и испуганно взглянул на хозяина кабинета, надеясь понять, не перегнул ли он палку.

– Неужели? – изобразил удивление тот. Но сам тон, каким был задан вопрос, звучал ободряюще.

– Даже концерты из-за этого срывают, – сообразив, что угадал, зачастил Алексей Кириллович. – Безобразие! На них другие актеры смотрят, разговоры всякие идут...

– Нехорошо, – осуждающе покачал головой Михаил Павлович. – Так нельзя, вы правы. В следующий раз, когда они... Ну, не мне вам объяснять... Позвоните по этому телефону.

Он произнес несколько цифр.

– Запомнили? Сразу же забудьте после звонка. И номер, и все остальное. Вы меня поняли?

Алексей Кириллович угодливо-понимающе закивал.

– А теперь прощайте, Алесей Кириллович, – сказал хозяин кабинета. Улыбка пропала с его губ. Взгляд стал жестким.

Лицо посуровело.

И он стал до странности похож на портрет, висевший над его головой.

Кирилл Алексеевич не помнил, как он вышел из кабинета, а затем на улицу, и только отойдя метров на сто от серого, в готическом стиле, здания, в котором он только что побывал, осмелился облегченно выдохнуть и вытереть платочком взмокший лоб.

Шел вечерний спектакль.

На сцене люди с красными повязками утверждали в городе порядок. Свой порядок, как они его понимали.

Станислава били четверо. Били всерьез – от страха. Он предупредил их заранее, что все должно быть как в жизни, реально. Не они его, значит, он – их. Не поверив ему на первом спектакле, теперь «дружинники» старались на совесть.

Зрители видели – здесь все по-настоящему, без дураков. И верили всему, что происходило перед их глазами на сцене.

А там хрупкая женщина бросала в лицо блюстителем порядка гневные слова... Она твердо знала – так не должно быть, это все только страшный сон, который не может вскоре не закончиться. Но для этого надо отдать все свои душевные и физические силы. И она не щадила себя.

Когда спектакль был сыгран, и актеры вышли на поклон, зрители встретили их молчанием.

– Народ безмолвствует, – сказал Станислав на ухо Анне. –

Это хорошо.

– Это провал, – побледнев, ответила она и оперлась на руку Станислава, чтобы не упасть.

Она хотела уйти со сцены, чтобы не разрыдаться на глазах у всех, но ноги отказались ей служить. Тогда она закрыла глаза. И вдруг услышала первый робкий хлопок в ладоши. Затем еще один... Еще и еще... И вот хлопки слились в мощный гул. А потом зрители начали вставать со своих мест и аплодировали уже стоя. Десять человек... Пятьдесят... Весь зрительный зал. Сотни зрителей рукоплескали и кричали «браво». Это был подлинный триумф.

Анна, стоя на сцене, плакала, но почему-то уже не стыдилась этого.

– Бока болят?

Анна бережно прикладывала примочки к синякам и ушибам на теле Станислава. Он мужественно крепился, лишь иногда что-то сердито бурчал. Наконец, не выдержал:

– Ну, облегчи же мои страдания, в самом деле! Где твой чудодейственный эликсир? Не томи!

– Не буду, – поцеловала его Анна. – Вот только пойду, взгляну, кто там тарабанит в дверь.

Она вышла из спальни в соседнюю комнату. Станислав закрыл глаза. Боль, если не двигаться, отпускала, затаивалась, и тогда можно было думать о чем-то ином. Он лежал и думал об Анне.

Вдруг он услышал ее жалобный голос, почти плач. И другой голос, злой и отрывистый. Слов не было слышно, одни интонации. Но этого было достаточно, чтобы понять – Анне плохо.

Станислав рывком вскочил на ноги, забыв о боли, в несколько шагов преодолел пространство, отделяющее его от входной двери. На пороге стоял директор театра и что-то назидательно внушал Анне. Заслышав за спиной шаги, Анна обернулась. Глаза ее были влажными.

– Милый, он опять заставляет меня играть завтра утром на какой-то агитплощадке, – пожаловалась она, словно была маленькой девочкой и искала в Станиславе защиты. Да так оно и было сейчас. – Он не хочет понять, что я... просто не в состоянии!

– Однако, уважаемая, это не мешает вам жить в шикарном трехкомнатном люксе, питаться в ресторане, и все это за наш счет, – Алексей Кириллович, говоря это, напыжился, словно пытался стать выше ростом и возвыситься над Анной. – Если вы будете продолжать упорно отказываться от моих предложений, я не заплачу вам ни копейки...

Он не успел договорить. Станислав аккуратно взял маленького человечка за лацканы пиджака, приподнял и почти вынес в коридор. Затем захлопнул дверь, едва не ударив его по лбу. Из-за двери донеслось испуганно-мстительное:

– Ах, вы так! Ну, я вам сейчас покажу!

И слышались торопливые удаляющиеся шаги.

Анна плакала, уже не сдерживаясь, навзрыд. Станислав поднял ее на руки и закружил по комнате. Она ахнула и прижалась к нему всем телом. Слезы сразу иссыкли, а глаза залучились радостью. Она любила его, такого сильного и смелого, настоящего мужчину, о котором мечтала всю свою жизнь, и действительно не боялась с ним ничего.

Станислав донес ее до кровати и бережно опустил, сам упал рядом, тяжело дыша. Анна одной рукой гладила его волосы, другой дотянулась до столика, где стоял стакан с белой жидкостью.

– Выпей, родной!

Он выпил и, как всегда, сначала почувствовал легкое головокружение, предвещающее ослепительное счастье. Дыхание выровнялось, сердце билось спокойно и редко. Анна улыбалась ему. Он привлек ее к себе, обнял. До полета оставались считанные мгновения, и он хотел чувствовать ее рядом с собой...

В дверь сильно постучали.

– Опять, – как от зубной боли сморщилась Анна. – Я не буду открывать!

Стучали уже чаще и сильнее.

– Мне все равно, – уговаривала себя Анна, успокаивающе поглаживая Станислава по груди. Голос ее вдруг дрогнул: – Ну, что же это такое!

Дверь почти выламывали.

Анна отстранилась от Станислава и, ничего не говоря, вы-

бежала из комнаты. Он тяжело поднялся следом. Земля уходила из-под ног, словно палуба корабля в шторм. Станислав услышал сдавленный крик Анны и шестым чувством, сквозь затуманенное сознание, понял, что пришла беда.

До двери в соседнюю комнату оставался всего один шаг, когда она распахнулась и на пороге выросла мужская фигура в темном костюме. Станислав ударил сразу, без замаха. Неизвестный сломился надвое, упал.

В светлом проеме входной двери гостиничного номера стояли еще двое мужчин, оба в одинаковых темных костюмах. Один из них зажимал Анне рот, а она, обессиленная от страха, почти лежала у него на руках.

Как всегда в минуты опасности, на помощь пришел отработанный годами тренировок автоматизм движений. Каждый шаг и поворот были рассчитаны и точны. Нападавшие не ожидали этого, да едва ли ждали и самого сопротивления.

Тот, кто первым бросился на Станислава, коротко вскрикнув, рухнул у его ног, на ковер. Другой попытался что-то достать из-под пиджака, но не успел, ударился затылком о стену и медленно сполз по ней вниз. Из его рта на подбородок пролилась тоненькая струйка крови.

Выбросив их обмякшие тела в коридор, Станислав закрыл дверь на ключ и обернулся. Анна уже сидела в кресле, напряженно выпрямившись, строгая и какая-то отстраненная. В уголках ее глаз собрались лучики морщинок, неожиданно состарив ее лет на десять.

– Вот и все, – раздвинул в улыбке разбитые губы он.

– Это действительно все, Станислав, – подтвердила Анна, не улыбнувшись в ответ. – Скоро они придут опять. И разлучат нас. Надолго. Может быть, навсегда.

Она говорила короткими, чеканными фразами. Станислав почти упал в кресло напротив, закрыл глаза. Сквозь сжатые веки сразу же замерцали огни, в убыстряющемся темпе завертелась земля.

– Я не хочу этого, – с трудом ворочая языком, сказал Станислав.

– Это хуже, чем смерть, – убежденно произнесла Анна. Было видно, что она на что-то решилась.

– Сделай же что-нибудь, – попросил он. – Ведь ты же волшебница.

Они словно поменялись ролями, и теперь уже он был маленьким мальчиком и ждал от нее защиты от этого беспощадного мира.

– Ты этого хочешь? – взглянула она пристально. – Ты не боишься?

– Нет. Я боюсь только разлуки с тобой.

– Это будет мое последнее волшебство.

Она достала из своей сумочки все пакетики, которые в ней были, высыпала их содержимое в стакан. Вода взбурлила, затем успокоилась, приобрела мутновато-белесый оттенок. Анна медленно, словно смакуя, отпила из стакана ровно половину. Остальное протянула Станиславу, торжественно.

но произнесла:

– Пей! На дне этого стакана мы соединим наши жизни в одну, но вечную...

Больничная палата казалась серой и какой-то безжизненной. Ее не оживлял даже пышный букет из красных роз в вазе на подоконнике. В окно было видно, что листья на деревьях уже блекнут и опадают. Солнце все так же ярко светило, но едва грело. Природа, в ожидании скорого прихода осени, была тихой и грустной.

Алексей Кириллович был первый, и, кроме следователя, единственный, кому разрешили навестить Анну, когда она пошла на поправку. Он вошел в палату с пакетом яблок в руках, уже с порога сияя жизнерадостной улыбкой. Анна отвернулась к стене и закрыла глаза. Словно не замечая ее отворачивания, Алексей Кириллович присел на краешек стула перед ее кроватью, как будто желал показать, что он ненадолго, и деланно-оживленно заговорил:

– Вот и чудесно, моя милая, что вы уже выздоравливаете, а то нагнали на всех нас страху! И кто бы мог подумать? Хотя, конечно, огласка, скандал и все такое прочее... Но все мы люди, не дикие звери, все понимаем, а в беде как не помочь человеку? Врач сказал, что через три дня вас выписывают. И вот я вам принес деньги и билетики на самолет, рейс в тот же вечер, улетайте и не поминайте нас лихом. Дома-то уже соскучились небось, а? Телеграммки, чтобы не волновались,

мы им слали – мол, полный аншлаг, целую, ваша... Думаем, зачем людей зря тревожить? Ведь все обошлось, слава богу! Мы даже в театр ваш сообщать о случившемся пока не стали.

Он частил словами, но все произносимые им фразы были какими-то куцыми, словно им не хватало того главного, о чем он из страха не говорил. А Алексей Кириллович действительно был очень напуган. Ему, как директору театра и косвенному виновнику ночного инцидента, пришлось бы, если бы поднялся шум в прессе, за все нести ответственность – и перед законом, и перед собственной совестью. Впрочем, последнее пугало его не так, как угроза быть впутанным в уголовное дело. Накануне он даже попытался вновь встретиться с Михаилом Павловичем. Но, видимо, попасть в тот самый кабинет, где в прошлый раз к нему проявили такую любезность, без личного приглашения самого хозяина было невозможно. Алексей Кириллович остался один на один со своими страхами. Поэтому сейчас он, не скрывая этого, предлагал Анне сделку и боялся, что она откажется. Если она промолчит, не вынесет сор из избы, все вскоре забудется. Алексей Кириллович знал, что в их городе забывали и не такое. Со следователем он уже переговорил и остался доволен результатами их беседы.

– Когда будут похороны Станислава? – глухо, не открывая глаз, спросила Анна. Лицо ее было иссиня-бледным и на нем значительно прибавилось морщинок. Исхудавшие бескровные руки бессильно лежали поверх одеяла.

– А, некоторым образом, уже, – завертелся, словно он сидел не на стуле, а на раскаленной сковороде, Алексей Кириллович. – Знаете ли, нет родственников, и все такое... А кремация прошла без лишних хлопот и проволочек. И всем спокойнее.

Анна, до крови кусая губы, чтобы не закричать и не забиться в истерику, которую уже не прекратить, сказала:

– Уйдите. Или я убью вас.

Алексей Кириллович быстро вскочил и, продолжая что-то миролюбиво говорить, исчез из палаты. Пакет с яблоками он унес с собой, забыв, что приносил его Анне.

В палате, кроме Анны, не было никого, несмотря на то, что больница была переполнена, и пациенты лежали даже в коридорах. Она не знала этого, а если бы и узнала, то отнеслась бы равнодушно. Ей было все безразлично с той самой минуты, когда она очнулась в машине «скорой помощи», которая с оглушительным воем сирены везла ее из гостиницы в больницу, и случайно подслушала разговор врача и медсестры. Слишком большая доза. Слишком поздно подоспела помощь. Сердце Станислава, такое молодое и сильное, не выдержало, остановилось.

Было душно, как перед грозой. Темнело. Анна смотрела в окно. Осень. Скоро зима. Все в природе умрет, до весны. Но весной вновь оживет. А он нет. Уже никогда. Он ушел, с верой, что они встретятся там.

Анна знала, что она тоже уже мертва. Осталась только ее

телесная оболочка, лишенная души. Ее удерживало в жизни только желание похоронить Станислава. Но ее лишили и этого. Пусть. Все равно скоро они соединятся. Он ждет ее. У нее тоже нет близких родственников, которые пожалели бы о ней. И всем так будет спокойнее.

Но эти несколько дней еще надо было как-то прожить. Все время смотреть в окно и думать о Станиславе – Анна чувствовала, что от этого она может запросто сойти с ума. И она попросила принести ей какую-нибудь книгу, не уточнив, что именно, поскольку ей было все равно. И медсестра Валя, добрая душа, рыхлая и сентиментальная девушка двадцати с небольшим лет, но уже со всеми задатками старой девы, принесла ей один из тех дешевых любовных романов в мягком переплете, которыми сама она зачитывалась во время ночных дежурств.

Роман претенциозно назывался «Похвала памяти». Анна, не желая обидеть Валу, взяла его и бегло пробежала глазами, понимая, что не будет читать подобную слащавую дребедень даже под страхом сумасшествия, и вдруг взгляд, помимо ее воли, задержался на одной из последних страниц книги. Она начала читать – и прочитала этот кусок из романа весь, поражаясь явному противоречию и в тоже время странному созвучию ее собственных мыслей с идеей, которую высказывал автор.

«И если бы кто-нибудь сказал ему, что завтра будет со-

всем не так, как сегодня, а послезавтра похоже на завтра, и последующие дни тоже схожи с ними, как идентичны капли воды, и это счастливое сегодня уже никогда не повторится, а наступит черед унылых дней и ночей... О, тогда он ни за что не отпустил бы ее, удержал бы и словами, и силой, и сделал бы так, чтобы она никогда не покинула его.

Но никто ничего не сказал ему. И она уехала. В последний раз он увидел ее милое лицо за окном – и вот рейсовый автобус тронулся, разлучая их. Было грустно и одиноко, и еще более от того, что день следующей встречи был им неизвестен.

Когда могучий лайнер, пробежав по взлетной полосе, стартовал в небо, она подумала, что они никогда не встретятся. А жаль. Ей с ним было хорошо. Давно ей так не было хорошо с кем-то из мужчин. Он такой славный. И на удивление робкий. Ей чуть ли не самой пришлось поцеловать его в первый раз. И даже целоваться по-настоящему он еще не умеет. А при прощании ему было грустно, она видела это и чувствовала сердцем. Но все равно, он скоро забудет ее, и другая девушка вскружит ему голову, потому что он, в сущности, еще очень наивный и юный. А она будет далеко.

Он решил от автовокзала не ехать на трамвае, а пройти пешком. Всего час ходьбы до дома, но можно успеть обдумать все, что произошло с ним за последнее время. Вот она и уехала. Ей хотелось развлечься в отпуске на взморье, и она немного пофлиртовала с первым, кто встретился ей, заронив

в его сердце искру влюбленности. Прекрасной незнакомке это дозволено, и не ей задумываться о последствиях. Они расстались. Да это и к лучшему. Время сотрет ее черты из его памяти. Правда, она зачем-то оставила ему свой адрес. Написать ей? Пожалуй, ни к чему.

Но спустя несколько дней он все-таки написал ей. И она неожиданно ответила.

И они еще долго писали друг другу. Пока в ее жизнь не вошел другой, а в его судьбе не промелькнула другая. И переписка на время прекратилась. А затем возобновилась. Но это уже были другие отношения, чуть более усталые и равнодушные.

И так повторялось не раз. Пока им не стало совсем все равно.

Но даже и после этого они писали. Потому что она помнила, что время, которое она провела с ним в то лето, было сумасшедшим и интересным. А он помнил, что уже ни с кем из женщин после нее не бывал так откровенен и по-мальчишески счастлив.

Наверное, память и дана человеку для того, чтобы он не забывал, что в прошлом были светлые дни, и жил надеждой, что и в будущем они будут. И, согреваемый памятью, был счастлив, вопреки всему».

Прочитав это, Анна не заплакала – она разучилась плакать, для слез нужна живая душа, – но загрустила. При других обстоятельствах все это могло бы случиться и у них со

Станиславом. Ведь такое уже бывало в ее жизни. Станислав не первый ее мужчина, и даже не первый, кого она любила. Но им не было даровано спасительного лекарства времени – забвения. И это все меняло.

Станислав был не первый, и с этим ничего нельзя было поделать. Но Анна знала, что он будет последним мужчиной в ее жизни. Ведь это зависело только от нее.

Через три дня ее выписали из больницы. Анна переоделась, взяла у дежурного врача документы, билеты и деньги, которые тому оставил директор театра, не решаясь снова показаться ей на глаза, попрощалась со всеми врачами и медсестрами, кому-то даже оставила на память свой автограф. Чемодан был легкий, а остановка автобуса всего в ста метрах от больницы, и от провожатых она отказалась.

Анна вышла из пропахшего лекарствами и дезинфицирующими средствами здания на улицу. Здесь цвело бабье лето. Солнце в последний раз согрело землю перед долгой зимой. Было тепло и хорошо.

Она сошла с тротуара и медленно пошла вдоль обочины дороги к остановке. На полпути услышала за собой шумное дыхание большого автобуса. Обернулась. Это был междугородный «Икарус» с затемненными стеклами салона, на котором Анна должна была доехать до аэропорта. Но она не прибавила шага, наоборот, остановилась. Огромный, заслонивший собой полнеба автобус стремительно приближался. На

другой половине неба не было ни облачка, синева поглотила все остальные краски.

Анна поставила чемодан на землю и еще немного подождала. Она уже видела глаза водителя. Он, кажется, догадался и пытался что-то изменить, раскрыв в немом крике рот. Но было поздно, и он даже не успел нажать на тормоз. Автобус уже почти поравнялся с Анной, и она шагнула ему навстречу...